

Управляющий ломбардом достал счёты, защёлкал костяшками и произнёс:

— Юный господин, за этот золотой замок при полной продаже я могу дать тридцать золотых. Если же вы хотите сдать его под выкуп, то только пятнадцать. Впрочем, у меня есть правило: я не принимаю вещи от столь юных клиентов на условиях полной продажи. Вдруг вы распорядились ценностью без ведома семьи, а потом захотите выкупить обратно? А вещь уже перепродана. Так что лучше оформить под выкуп. Наш ломбард Лянчэн сохранит замок в течение года. Если выкупите в этот срок, цена не превысит восемнадцати золотых. А если за это время замок потеряется или мы его продадим, ломбард выплатит вам компенсацию в двадцать золотых.

Фан Юй, услышав это, невольно призадумался. В его родном мире грамм золота стоил около двухсот тридцати юаней, в одном цзине пятьсот граммов, а в одном цзине десять лян. Этот замок весил от силы один цзинь, но при полной продаже за него давали цену трёх цзиней золота. Ломбард Лянчэн действительно предлагал честную цену! Даже при сдаче под выкуп сумма выходила огромная.

Боже мой, кто сказал, что в древности люди жили в нищете? Жители континента Тяньянь — сплошь богачи! Настоящие толстосумы!

Пока Фан Юй в уме подсчитывал выгоду, Цуй Чэн, у которого не было даже начального образования, уже окончательно запутался в словах управляющего. Его лицо побагровело, и он взревел:

— Что за бред?! Какие ещё полные продажи и выкупы?! Раз он стоит тридцать золотых, почему ты даёшь мне только пятнадцать?! Ты что, решил обмануть меня, потому что я выгляжу маленьким? Вы, люди, такие хитрые! Никакой от вас пользы!

В пылу спора зрачки Цуй Чэна внезапно превратились в вертикальные щели, показались острые клыки.

Управляющий отшатнулся в испуге и, путаясь в словах, затараторил:

— Ой, ой, тридцать! Хорошо, тридцать! Полная продажа! Полная продажа! Отдаю тридцать золотых!

Забирай свои деньги и проваливай отсюда поскорее, мелкий ты монстр!

Разумеется, замок оставался в ломбарде.

Впервые в жизни видя перед собой настоящего оборотня, управляющий, несмотря на охвативший его ужас, первым делом крепко прижал к себе замок, не желая с ним расставаться, чем в полной мере раскрыл свою натуру скряги.

Цуй Чэна не волновала жадность управляющего, главное, что он сам не остался внакладе. Получив тридцать золотых, он заметно успокоился, но с места не сдвинулся.

Управляющий, который уже был на грани отчаяния, заискивающе забормотал:

— Маленький бессмертный господин, вам... вам ещё что-то нужно?

Если ничего не нужно, проваливай поскорее! Важные вещи стоит повторять трижды: проваливай, проваливай, проваливай!

Цуй Чэн гордо вскинул голову:

— У вас здесь должны быть готовые одежды! Выкладывай всё, что есть, я хочу посмотреть!

Управляющий опешил. Одежда? Если тебе нужны наряды, иди в лавку одежды, зачем приходить в ломбард! Хотя у них и хранились вещи, но это было лишь старьё, оставшееся от прежних владельцев.

Управляющий с кислым видом проговорил:

— Маленький бессмертный господин, лавка моя невелика, одежда есть, но боюсь, она не придётся вам по вкусу. Если не побрезгуете, прошу за мной на склад.

Услышав про одежду, Цуй Чэн обрадовался, закивал и помчался вслед за управляющим, совершенно позабыв о Фан Юе, которого так и оставил сидеть на прилавке.

Фан Юй дёрнул щекой. Чёрт, это что, он решил меня бросить?

Нет, так не пойдёт! Даже если он собрался меня оставить, я должен вернуть свою драгоценную вещицу, она ведь стоит тридцать золотых!

У Фан Юя были короткие ручки и ножки, он даже со стойки слезть не мог, не говоря уже о том, чтобы догнать Цуй Чэна. Но у него было последнее оружие любого ребёнка — рёв. Стоило ему заплакать, как приказчик ломбарда наверняка отнёс бы его обратно к Цуй Чэну.

Но подождите.

Фан Юй открыл рот, чтобы закричать, и вдруг понял, что не может издать ни звука. Очевидно, действие пилюли безмолвного неядения ещё не закончилось.

Фан Юй: «...»

Быть ребёнком — это самый тяжкий труд на свете!

Не в силах проронить ни слова, Фан Юй лишь уставился на приказчика полными слёз глазами. Но, к несчастью, приказчик тоже заметил нечеловеческую сущность Цуй Чэна и до сих пор не мог прийти в себя от страха. А тут ещё этот младенец, принесённый монстром, сверлил его тяжёлым, полным обиды взглядом. Приказчика охватило нешуточное напряжение.

В мире есть люди, которые при сильном стрессе испытывают непреодолимое желание посетить уборную. Приказчик не стал исключением. Превозмогая душевный трепет, он старался не смотреть на Фан Юя, но долго не выдержал и поспешил скрыться.

Перед уходом он предусмотрительно прикрыл дверь ломбарда и, косолапя, поспешно удалился.

Фан Юй наблюдал за этим с горечью. Неужели я настолько невыносим?!

Минус в карму!

В этот момент дверь ломбарда со скрипом отворилась. Вошёл слуга с крайне подавленным видом, похожим на лицо скорбящего по покойнику. Он посторонился, пропуская своего господина, и снова закрыл дверь. Вошедший мужчина был одет богато, но выглядел настолько мрачно, что Фан Юю на ум пришло лишь одно слово — зомби.

Однако мертвенно-бледное выражение лица этого человека мгновенно исчезло, стоило ему заметить Фан Юя на прилавке. На смену ему пришло полное изумление.

Это что... его поразила моя харизма?

Фан Юй нерешительно подумал, что если это так, то ситуация выглядит просто абсурдно.

Не успел он додумать, как мужчина-зомби вдруг задрожал всем телом и пришёл в крайнее возбуждение. Он широкими шагами подошёл к прилавку, подхватил Фан Юя на руки и прижал к груди. Дрожащим голосом он забормотал:

— Сынок... мой сынок...

Фан Юй от неожиданности растерялся. Он хотел сопротивляться, но сил не хватало, а кричать, чтобы выразить протест, мешало проклятое действие пилюли! Он мог лишь беспомощно терпеть объятия этого мужчины, переполненный негодованием.

Быть ребёнком — это самый тяжкий труд на свете! Повторяю ещё раз!

Прежде чем Фан Юй окончательно впал в ярость, слуга, стоявший рядом с мужчиной, понизил голос:

— Господин, господин? Этот младенец ведь не...

— Не что? — голос мужчины, хотя тело его всё ещё мелко дрожало, прозвучал пугающе холодно. — Мой сын не умер, он жив, он здесь, у меня на руках! В клане Фан всё ещё есть наследник! О чём ты говоришь? Что не так?!

Слуга понял, что его господин близок к помешательству, и сердце его сжалось от боли.

Господин так сильно любил молодую хозяйку, но та после внезапной кончины маленького господина лишилась рассудка. Поместье Фан погрузилось в хаос. Господин, на чью долю в жизни выпало не так много испытаний, под тяжестью потери сына и страха за безумную жену был на грани краха. Теперь, увидев чужого ребёнка, он вцепился в него и не желал отпускать.

Слуга крепко сжал кулаки. Раз уж этот младенец так нужен господину, он сделает всё, чтобы удержать его!

<http://bllate.org/book/21676/2236077>